

© М.Г. ГОРШКОВ

director@isras.ru

Институт социологии РАН (Москва)

УДК 316.422(470+571)

**РОЛЬ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА, МОДЕРНИЗАЦИИ
И КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕГИОНОВ РФ**
**THE ROLE OF NON-ECONOMIC FACTORS IN THE USE OF ECONOMIC
GROWTH POTENTIAL, MODERNIZATION AND CONSOLIDATION
OF THE RUSSIAN SOCIETY AND REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются концептуальные подходы к анализу неэкономических факторов как важнейших составляющих потенциала экономической модернизации и социальной консолидации, с учетом анализа результатов многолетних исследований Института социологии РАН. Особый акцент делается на теоретическом и методологическом анализе научно-практических аксиом, которые определяют место и роль научного знания в системе управления обществом. В научный оборот вводится десять основных аксиоматических положений, позволяющих систематизировать неэкономические составляющие социально-экономической модернизации и социально-культурной консолидации не только элит, граждан, но и ученых-обществоведов России. На основе проведенного исследования определены приоритеты формирования для России новой конфигурации социума и эффективной, соответствующей ожиданиям всех слоев населения модели социальной политики, обеспечивающих успешную модернизацию и органичную консолидацию российского общества и регионов Российской Федерации.

SUMMARY. The author considers conceptual approaches to the analysis of non-economic factors as key components of economic modernization potential and consolidation of society, taking into account the analysis of results of a long-term research of the Institute for Sociology of the Russian Academy of Sciences. A special emphasis is placed on the theoretical and methodological analysis of scientific and practical axioms, which define a place and role of scientific knowledge in the society control system. Ten basic axiomatic provisions are introduced, allowing to systematize non-economic components of social and economic modernization and welfare consolidation not only for the elite, citizens, but also sociologists of Russia. On the basis of the research the author puts forward several formation priorities for Russia, such as a new configuration of society and effective model of the social policy, that would meet expectations of every segment of the population, thus, providing successful modernization and intrinsic consolidation of the society and regions of the Russian Federation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гуманизация экономики; научно-практические аксиомы формирования системы управления обществом; социальная политика; социальная интеграция и консолидация нации; идеология реализма.

KEY WORDS. Economy humanization; scientific axioms of the society control system; social policy; social integration, consolidation of nation; ideology of realism.

Мировой опыт и практики российских трансформаций убедительно свидетельствуют о том, что основу общественных отношений, образующих ткань современного социума, составляет свод объективных по характеру и неизблемых по сути правил. Эти правила проверены временем, и обычно даже у самых заядлых любителей сомневаться в очевидном не возникает и тени сомнения в том, что они нуждаются в каких-либо доказательствах и проверках. Наличие подобных, по сути дела, *аксиоматических положений* позволяет говорить о существовании таких научно-практических аксиом, которые определяют роль и место научного знания в системе управления обществом.

Обращаясь к теме неэкономических факторов как важнейших составляющих потенциала экономической модернизации и социальной консолидации, с учетом анализа результатов многолетних исследований Института социологии РАН, сформулируем несколько подобного рода аксиом.

Прежде, однако, следует заметить, что особый интерес к проблеме воздействия разнообразных факторов на темпы и устойчивость социально-экономического развития общества стал проявляться со второй половины XX века, на волне характерного для того времени подъема мировой экономики. Тогда же утвердился тезис, согласно которому основными детерминантами экономического роста являются не только валовое накопление и научно-технический прогресс, но и человеческий капитал [1; 12-13].

Подобное утверждение опиралось на то, что многочисленные исследования ключевых источников экономического развития не смогли подтвердить широко распространенное положение о решающей (и тем более — исключительной) роли в этом процессе накоплений «физического капитала» — средств производства и произведенных продуктов, участвующих в производстве товаров и услуг. Из этого вытекает *первая аксиома*, которую можно сформулировать следующим образом: *Усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья, то есть воздействия на экономический рост всех тех компонентов человеческого капитала, которые через социальные практики доказали свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития.*

Глобальный экономический кризис 2008-2009 гг. и его последствия в еще большей степени продемонстрировали значимость неэкономических факторов в системе антикризисных мер и возможностей восстановления хозяйственного роста. При этом внимание научной общественности стало целенаправленно проявляться к изучению особенностей взаимосвязи, существующей между экономическими и неэкономическими составляющими роста национальных экономик, к разработке направлений и способов регулирования и использования неэкономических факторов [2; 84].

С учетом этого вполне уместно сформулировать **вторую аксиому**: *Основным императивом, лежащим в основе новых моделей экономического роста, является гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе целей и факторов экономического развития.*

Выход на авансцену экономической жизни подобной аксиомы вполне закономерен, ибо сама сущность развития определяется ориентированностью на человека, на человеческий потенциал как основное богатство любого общества, а базовой целью экономического роста страны признается увеличение объемов производства благ и услуг и обеспечения на этой основе более высокого уровня и качества жизни.

Очень емко и точно по данному поводу высказался на юбилейном заседании Валдайского клуба президент РФ В. Путин: «...нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но все-таки главное, что будет определять успех — это качество людей, качество общества, интеллектуальное, духовное, моральное. Ведь, в конце концов, и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние — это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом» [3].

Проблема поиска адекватной национальным особенностям модели экономического роста и путей дальнейшего экономического развития особенно актуальна для современной России, экономика которой долгое время обеспечивала указанный рост преимущественно за счет экстенсивных факторов. Кризис недавних лет со всей определенностью показал, что российское общество находится на новом витке, по сути — на переломе социально-экономического развития.

Есть ли веские основания для такой постановки вопроса? Безусловно, есть, ибо, практически исчерпав возможности прежней модели роста экономики, пореформенная Россия столкнулась с необходимостью более интенсивного использования всех ресурсов и всех резервов производительности труда. И тому есть вполне убедительные объяснения, поскольку и цели социально-экономического развития страны, и его условия выглядят сегодня совсем не так, как они выглядели еще пятнадцать лет назад — после кризиса 1998 года.

Основной задачей текущего периода является не решение проблем трансформационного спада, как это было на исходе XX века, а выход на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации социума, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества.

Именно поэтому в «Итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года» отмечается, что ближайшее развитие РФ должно исходить из двух взаимосвязанных между собой оснований — новой модели экономического роста и новой социальной политики [4, разделы I и III.].

Вместе с тем у нас существует явная несогласованность между темпами экономического роста и качественными характеристиками социального развития. При этом признание необходимости реализации гуманистического подхода к реализации экономических проектов (а без этого не обходится сегодня ни одна широкообсуждаемая речь многих государственных деятелей) сопровождается

ется отсутствием отвечающих современным требованиям методик выявления и анализа такого подхода.

А ведь оценка темпов экономического роста при игнорировании показателей его гуманизации лишает смысла экономическое развитие, поскольку рост экономики, который не влечет за собой повышение уровня и качества жизни человека, противоречит своей главной цели — обеспечению благосостояния для всех людей, обеспечению условий для их самоутверждения и самореализации. Тем самым появляется необходимость сформулировать еще одно аксиоматическое положение, т.е. **аксиому третью**: *Для истинного, всестороннего и углубленного познания экономики, происходящих в ней процессов и определения ее перспектив необходимо приложить не только собственно экономических, но и социологических методов и, в первую очередь, регулярных социологических мониторингов социальной эффективности реализации экономических проектов.*

Безусловно, необходимо и приложить социально-философских, этических и эстетических категорий, поскольку именно эти категории позволяют представить экономику в аспекте общечеловеческих, фундаментальных ценностей и антиценностей, образующих «хребет» человеческой жизни: добра и зла, справедливости и несправедливости, любви и ненависти, истины и лжи, свободы и зависимости. Именно от этих ценностей и антиценностей, их соотношения зависят прогресс или деградация жизни общества.

С учетом сказанного логичным будет сформулировать **аксиому четвертую**: *Успехи модернизации российского общества зависят не только от усилий экономического и научно-технического характера, но и от оздоровления социальной среды в целом. В социальной системе под названием «общество» экономика, как ее подсистема, неотделима от государственного устройства, политики, духовного развития, а экономическое поведение людей не может не зависеть от их идейного и нравственного состояния.*

Данный перечень можно продолжить: не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства, к федеральным и региональным государственным и общественным институтам. Иначе говоря, речь идет о всем том, что называется социальным капиталом, наращивание которого, как и наращивание капитала человеческого, все в большей степени признается залогом успеха любых экономических преобразований.

Безусловно, одно из основных условий пореформенного подъема российской экономики — это определение наиболее эффективной модели управления социально-экономическими процессами. Причем, как сегодня очевидно, — модели, сочетающей сильные стороны рыночной и плановой экономики. Выбор такой модели носит не только экономический, но и ярко выраженный политико-идеологический, то есть стратегический характер, а значит, невозможен не только без участия, но и без весомой роли государства.

И здесь следует признать: российские рыночные реформы, стартовавшие после распада СССР, осуществлялись на идейной основе, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли. Жизнь доказала ее неадекватность постсоветским реалиям. Указанная неадекватность подтверждается и последствиями глобального экономического кризиса, положившего начало переосмыс-

лению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе. Как отмечают известные западные экономисты, «рыночный фундаментализм... последних 20 лет драматически провалил экзамен» [5; р. III], как следствие, «...мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм» [6; р. 22].

На современное государство (причем и в относительно благополучных в социальном смысле западных обществах) ложатся ответственные функции предотвращения и нивелирования провалов рыночных механизмов. А в пореформенной России решение целого ряда неотложных задач просто невысказано без государственного участия. Таковыми можно считать: преодоление опасного имущественного расслоения населения, разорительной инфляции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, экономически не обоснованной и несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечение расцвета культуры, науки, образования, здравоохранения. К этому следует добавить сокращение безработицы, защиту интересов, прав и свобод всех граждан, борьбу с преступностью и коррупцией.

В этом отношении весьма показателен доклад Международного валютного фонда «Мировой социально-экономический обзор», в котором констатируется буквально следующее: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку» [7; р. 35].

Главный вывод из подобного утверждения заключается не в том, сколько — много или мало — должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении качества государственного участия в управлении экономической сферой. Тем самым можно считать аксиоматичным еще одно утверждение, которое составляет *аксиому пятую*: *Программно-целевое, финансовое и кадровое участие государства в экономической сфере является управленческим императивом, а любые крупномасштабные изменения, трансформации общества неразрывно связаны с господствующей в данных исторических условиях идеологией, передовыми идеями, способными стать движущей силой модернизационного прорыва страны.*

Как показывают массовые социологические опросы, уже после опыта первых лет реформ подавляющее большинство россиян настаивало и продолжает настаивать на том, что роль государства должна быть ключевой не только в экономической, но и в социальной сфере [8], [9], [10], [11]. И это вполне понятно. Несмотря на немалые усилия государства по выправлению ситуации в социальной сфере, реальное повышение уровня душевых доходов, материальной обеспеченности в целом, действия властей на этом поприще оцениваются населением весьма сдержанно. Наряду с известными изъянами и упущениями это определяется еще и тем, что само понятие социальной политики по-прежнему не только для экспертов, но и для широких масс неопределенно и дискуссионно, а границы ее возможностей и ответственности с необходимой ясностью не очерчены ни в государственно-политическом, ни в региональном, ни в общественном плане. Нерешенной остается и другая, принципиально важная проблема: выбор правильных, адекватных состоянию пореформенного российского общества социальных ориентиров.

Таким образом, мы подходим к необходимости сформулировать **аксиому шестую**: *Важнейшим фактором экономического развития страны, условием успешной модернизации и обеспечения консолидации российского общества и регионов Российской Федерации выступает эффективная, соответствующая ожиданиям всех слоев населения модель социальной политики.*

С точки зрения стратегии социально-экономического развития мировой опыт дает несколько подходов к разработке социальной политики, среди которых два основных — американский и европейский. После распада СССР, в сложной ситуации перехода от патернализма в решении социальных проблем к новой парадигме, имеющей в своей основе рыночные механизмы распределения, ельцинский режим власти взял на вооружение американскую модель социального развития. Подобная модель в наименьшей степени соответствовала качественно новым условиям социально-экономического развития постсоветского общества и ментальным особенностям россиян.

Последствия применения американской модели оказались плачевными и ощущаются россиянами даже спустя два десятилетия. Глубокая социальная дифференциация, возникновение социальных неравенств во всех сферах жизни общества, падение гражданской активности населения, неумная склонность к потребительству, разгул преступности — таковы лишь некоторые отрицательные социальные «исходы» обращения к американской модели, которые в России приняли и огромные масштабы, и наиболее болезненные формы.

В настоящее время можно лишь сожалеть, что российские реформаторы 1990-х гг. отвергли другую модель социальной политики — более подходящую с учетом истории нашей страны и менталитета россиян. Речь идет о европейской модели, характеризующейся экспертами как «капитализм с человеческим лицом». Приверженцами именно такой модели являются Германия, Швейцария, Нидерланды, Швеция, а также отчасти Япония.

В отличие от американской, европейская модель уделяет социальным проблемам значительно больше внимания. Приоритет отдается не частным, а общественным интересам, во главу угла ставятся механизмы социального партнерства. Истинным богатством страны считаются квалифицированные работники, рассматриваемые как движущая сила производства, как «локомотив» модернизации экономики.

Если американская модель ориентирована на почти полное освобождение рынка от экономических и политических ограничений, то европейская модель предусматривает механизмы «встроенности» рынка в систему государственного управления. Большое значение придается в ней уравниванию «социально опасных» тенденций капитализма, которые ведут к монополизации и массовому неравенству.

Если говорить непосредственно об особенностях определения эффективной модели социальной политики России, то ее ключевой проблемой является не только объем ресурсов, направляемых на решение актуальных социальных задач, но и целевой характер, и эффективность осуществляемых мер.

Если основная цель социальной политики — обеспечение стабильности, то ресурсы направляются в первую очередь тем слоям населения, от которых можно ожидать реальных протестных действий или поддержки таких действий,

организованных оппозиционными структурами. В свою очередь, определение в качестве сверхзадачи гуманитарной миссии влечет за собой повышение адресности социальной помощи и преимущественное внимание к наименее обеспеченным группам (что постоянно декларируется, но пока не реализуется на практике).

Если же исходить из часто повторяемого тезиса о том, что в современном мире социальная политика является мощным инструментом повышения качества человеческого капитала страны, обеспечения ее конкурентоспособности на международной арене, то приоритетом становятся инвестиции в человеческий капитал — главным образом в обеспечение качественного образования и медицинского обслуживания, доступность которых давно является в РФ камнем «социального преткновения».

Наконец, если речь идет о социальной интеграции и консолидации нации, то государству необходимо уяснить, что именно общество (или, по крайней мере, его большинство) понимает под социально справедливыми и социально несправедливыми неравенствами, а затем соответствующим образом выстраивать социальную политику.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что представления почти половины населения об оптимальной модели государственного управления в социальной сфере можно выразить следующей формулой: государство должно обеспечить всем определенный минимум, а остального каждый должен добиваться сам. В настоящее время такую точку зрения разделяют 45% населения [12; 162].

Вместе с тем существует ясность и в вопросе о том, какие модели социальной политики не имеют у россиян широкой поддержки. Так, лишь 14% респондентов готовы принять либеральную модель социальной политики, при которой государство либо вообще не вмешивается в социальную сферу жизни общества, либо оказывает помощь только самым слабым и беспомощным [12; 162-163].

Безусловно, выработка оптимальной модели социальной политики при дифференциации интересов различных слоев и групп населения, характерных для пореформенной России — дело непростое. Но ясно также и то, что без учета значимости идеи социальной справедливости, которая всегда была одной из ключевых в российской социокультурной модели, здесь не обойтись. Как показали наши последние исследования, при выборе лозунгов, которые в наибольшей степени могли бы выразить личную мечту россиян о будущем страны, наибольшее количество сторонников получили жизненные смыслы, вобравшие в себя такие составляющие, как социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Именно такой синтез идей поддерживается более чем половиной населения, в то время как остальные варианты значительно от него отстают.

Таким образом, мы подходим к **аксиоме седьмой**, которую можно сформулировать так: *Готовность государства к социальной заботе о гражданах страны, по сути дела, — основа всей системы отношений в российском обществе, основа легитимности государственной власти и встречной готовности граждан выполнять требования власти. В такой системе отношений социальная функция государства всегда будет доминировать над экономической, поскольку подобный симбиоз строится на ответственности сильного (государства) за слабого (отдельного человека).*

Весьма примечательно, что мечта россиян о жизни в справедливом и разумно организованном обществе (входящая в тройку их основных сегодняшних мечтаний!) тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения, а также с идеей сильной власти, способной обеспечить порядок в стране. Все это демонстрирует примечательную связку «власть — справедливость», существующую в сознании наших сограждан: те, кто хотел бы жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство.

Как показывают данные социологических опросов, смысловое наполнение столь важной для россиян идеи социальной справедливости может быть разным. Что именно представляется россиянам справедливым, а что несправедливым при оценке ими сложившейся в стране ситуации?

Ярко выраженным негативным индикатором является тот факт, что в настоящее время подавляющее большинство россиян считает слишком значительными существующие различия в доходах (83%). Наряду с этим две трети наших сограждан полагают несправедливой сложившуюся в стране систему распределения частной собственности, и аналогичная доля населения уверена в том, что люди не получают достойного вознаграждения за свои трудовые навыки, способности и квалификацию. При этом более половины россиян (54%) последнее утверждение относит и к себе лично, полагая, что с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают. Нельзя не обратить внимание и на то, что половина населения очень негативно относится к тому, что доступ к качественной медицине зависит от «размера кошелька» [12; 31, 38]; [13; 17-18].

Важно подчеркнуть, что существующие в пореформенной России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от уровня жизни и динамики личного благополучия. Как следствие, можно утверждать: оценивая текущую ситуацию с точки зрения ее справедливости или несправедливости, россияне руководствуются скорее представлениями о должном, справедливом для общества, нежели своими личными интересами, и такое представление о должном свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, не просто существующей в стране, но и оказывающей свое, порой незримое, влияние на реакции населения в ответ на те или иные действия властей.

С одной стороны, доминирующая в сознании россиян социокультурная модель исключает реализацию в России неolibеральной социальной политики и выполнение государством в качестве ее сверхзадачи «адресной помощи» только наиболее нуждающимся с одновременным снятием с себя ответственности за всех остальных. Но, с другой стороны, подобная модель органично сочетается с идеей социального государства, провозглашенной в Конституции РФ и получившей наиболее полное и многообразное развитие именно в Европе.

Вместе с тем в массовом сознании россиян еще недостаточно закрепилось понимание того, что реализация идей социального государства не имеет ничего общего с филантропией и поощрением иждивенческих умонастроений. Ведь государство называется социальным именно в силу того, что рассматривает экономическую эффективность не в качестве самоцели, а как одно из средств для удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан.

Отсюда **аксиома восьмая**: Главная задача политики социального государства состоит не в раздаче благ, а в обеспечении условий для свободной деятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких. Создание условий для того, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, а также стимулировать сбережения и стремление обзавестись собственностью — это и есть важнейшие направления политики социального государства.

Пореформенной России предстоит извлечь немало уроков из двух десятилетий рыночных преобразований. Один из них состоит в следующем: в массовом сознании должно утвердиться понимание того, к какому обществу, осуществляя системные трансформации, движется страна. Между тем в настоящее время содержание конституционного определения России как социального государства остается неясным, а соображения науки, в том числе социологической, на этот счет (в том числе и те, которые были приведены) не находят официального закрепления. В результате граждане страны лишены важнейшего ориентира, а именно — понимания того, каким станет общественное устройство Российской Федерации в результате проводимых реформ, и что это даст народу. Подобное положение дел позволяет сформулировать **аксиому девятую**: *Отсутствие в обществе понимания перспективных целей преобразований, отсутствие национальной идеи, придающей духовную силу народу, является, по сути, не менее существенной преградой на пути модернизации страны, чем научно-техническое отставание.*

К этой аксиоме следует привлечь особое внимание. Участники и свидетели событий и процессов, получивших развитие в нашей стране после 1991 г., хорошо помнят: тогда государственная власть была охвачена иллюзией по поводу того, что новая национальная идеология родится сама собой, поэтому государство, политический класс, элиты общества не должны вмешиваться в определение и трактовку национальной идеи. Но практика показала, как заметил В.В. Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», что «...новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам» [3].

И действительно, в результате такой позиции самоустранение государства, его уход из идеологической сферы сработали аналогично механическому копированию чужого опыта. Речь идет о том, что не имеющие ничего общего с традициями и ментальностью России грубые попытки цивилизовать ее извне, привить российским гражданам не характерные для них жизненные ценности были отторгнуты большинством нашего народа. Как в 1990-е годы, так и в нынешний период это убедительно показали и показывают результаты массовых социологических опросов [12; 145-160].

Однако всегда следует учитывать и другой аспект понимания процесса формирования национальной идеи, также вытекающий из социального опыта народа. Национальная идея, какие-либо черты национальной, социокультурной идентичности не могут быть навязаны сверху и не могут основываться на идеологической монополии. Идеи, способные придать народу духовную силу и трансформироваться, по сути, из нематериального в материально-экономический фактор общественного развития, выводятся из осмысления синтеза националь-

ного опыта и духовно-культурных, нравственных, политических традиций и ценностей.

Признание приведенной выше аксиомы не абсолютизирует роль идей в общественном развитии, не означает отрицания одного из ключевых общефилософских положений: «практика — критерий истины». Идеология реализма (а это самый надежный тип идеологии) исходит из того, что любая идея всякий раз посрамляла себя, как только отрывалась от интереса, и прежде всего — от интересов больших масс людей, интересов общества в целом. Именно в контексте идеологии реальностей, идеологии повседневной жизни следует сформулировать заключительную — **десятую аксиому**: *На системный прорыв в экономическом развитии, на осуществление масштабной модернизации можно рассчитывать лишь тогда, когда практическая реализация провозглашенного государством курса будет приносить населению ощутимые плоды, оборачиваться ростом его благосостояния, укрепляя в массовом сознании чувство социального оптимизма, уверенность в успехе преобразований.*

Многие помнят известный, популярный и по сей день художественный фильм «Офицеры». Один из главных героев этого фильма произносит знаменитую фразу: «Есть такая профессия — Родину защищать!».

Полагаю, что сегодня было бы вполне уместно в среде ученых-обществоведов дать жизнь и другому изречению: «Есть такая профессия — Родину изучать!». Исследовать общество, в котором мы живем, определять по количественным и качественным показателям его различные состояния, выявлять и понимать причины того, почему одним людям и социальным группам жизнь в российском обществе, в регионе их проживания приносит удовлетворение, чувство перспективы, а в других — порождает состояния неуравновешенности, разочарования и даже безысходности. Социология и есть такая наука и профессия, которая «про нас» и «о нас».

Но признаемся себе, ведь это очень ответственно — оценивать, судить, интерпретировать, и уж тем более — обобщать выявленные представления о состоянии и динамике повседневной жизни. К тому же описывать и с научной обоснованностью определять лицо нашего общества, нашей Родины — это по своему тоже означает ее защиту. От кого, спрашивается, и от чего, при наших-то сугубо социологических возможностях? От необъективных оценок и несправедливых упреков, от стремлений навязать искаженные представления о нас же самих, о прошлом, настоящем и будущем нашего Отечества. Получается, в сущности, что социологическая профессия, в силу своей особой близости к корням повседневной жизни, имеет не только профессиональное, но и гражданское измерение. Поэтому сегодня особо актуальным для обществоведов в их профессиональной работе становится стремление к достижению и высокого научного профессионализма, и безупречной гражданской ответственности. От этого в значительной степени будет зависеть государственный и общественный статус не только социологии, но и других общественных наук в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир — ожидания и реальность (к постановке проблемы) / Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001 С. 10-24.
2. Богомолов О.Т. Роль неэкономических сфер в модернизации экономики // Развитие и экономика. 2011. № 1. (Сентябрь). URL:<http://www.devec.ru/almanah/691-almanah-gazvitie-i-ekonomika-sentjabr-2011.html> (дата обращения: 05.09.2013).
3. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19243/print> (дата обращения: 20.09.2013)
4. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года/ Экспертная сеть по вопросам государственного управления. URL:<http://www.gosbook.ru/node/48211> (дата обращения: 19.09.2013).
5. The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. Report by the UNCTAD Secretariat Task Force on Systemic Issues and Economic Cooperation UN, New York, 2009. 80 p.
6. The Economist. 2010. January 23-29. 92 p.
7. World Economic Outlook. Supporting Studies IMF, 2010. 216 p.
8. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 34-45.
9. Якобсон Л.И. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 52-66.
10. Тихонова Н.Е. Куда ведет коридор? (О социальной политике с позиции общественного мнения) // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 10-17.
11. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад Института социологии РАН и Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в РФ. Официальный сайт Института социологии РАН URL: http://www.isras.ru/index.php?page__id=1413 (дата обращения: 05.09.2013).
12. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
13. Явлинский Г.А., Космынин А.В. Двадцать лет реформ — промежуточные итоги? // Мир России. 2011 № 2. С. 3-32.

REFERENCES

1. Khoros, V.G. Postindustrial World — expectances and reality (postulating the problem). *Postindustrial'nyi mir i Rossiia* [Postindustrial world and Russia]. Moscow, 2001. Pp. 10-24. (in Russian).
2. Bogomolov, O.T. The role of non-economic spheres in the modernization of economy. *Razvitie i ekonomika — Development and economy*. 2011. № 1. (September). URL:<http://www.devec.ru/almanah/691-almanah-razvitie-i-ekonomika-sentjabr-2011.html> (accessed date: 05.09.2013).
3. Session of “Valdai” discussion club. The official site of the president of Russia URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19243/print> (accessed date: 20.09.2013).
4. The final report on the results of expert work on topical issues of socio-economic strategy of Russia until 2020 / Expert Network on Public Administration. URL:<http://www.gosbook.ru/node/48211> (accessed date: 19.09.2013).
5. The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. Report by the UNCTAD Secretariat Task Force on Systemic Issues and Economic Cooperation UN, New York, 2009. 80 p.
6. The Economist. 2010. January 23-29. 92 p.
7. World Economic Outlook. Supporting Studies IMF, 2010. 216 p.

8. Tikhonova, N.E. People of Russia: the normative model of the relationship between the society, the individual and the state. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Modernity*. 2005. № 6. Pp. 34-45. (in Russian).

9. Iakobson, L.I. Social Policy: corridors of opportunities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Modernity*. 2006. № 2. Pp. 52-66. (in Russian).

10. Tikhonova, N.E. Where does the pass lead to? (On social policy from the perspective of public opinion). *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Modernity*. 2006. № 3. Pp. 10-17. (in Russian).

11. Is Russian society ready for modernization? Analytical report of the Institute for Sociology and Office of the Friedrich Ebert Foundation. Friedrich Ebert Foundation in Russia. / Official site of the Institute of Sociology, RAS. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (accessed date: 05.09.2013).

12. *Dvadtsat' let reform glazami rossiian: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* [Twenty years of reforms as seen by the Russians: the experience of long-term sociological studies] / Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. Moscow, 2011. 328 p. (in Russian).

13. Iavlinskii, G.A., Kosmynin, A.V. Twenty years of reforms — inner results? *Mir Rossii — World of Russia*. 2011 № 2. Pp. 3-32. (in Russian).

Автор публикации

Горшков Михаил Константинович — директор Института социологии РАН, академик РАН

Author of the publication

Mikhail K. Gorshkov — Director of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences